

унесли их события. Мы теперь, сказал он, “как щепки, носимые на волнах”... Князь Львов мне сказал, что они вовсе не ожидали, что революция так далеко зайдёт. Она опередила их планы и скомкала их. Стали щепками, носящимися по произволу революционной волны»⁹³. Схожим образом ещё 2 марта оценивал ситуацию Милюков. Отвечая на вопрос посланника в Китае И.Я. Коростовца, есть ли надежда совладать с бурным настроением, охватившим страну, он заметил: «Сейчас мы стоим перед несущимся нам навстречу потоком. Этот поток, если мы станем прямо против него, не приняв никаких мер, конечно, неминуемо всё перед собой сметёт. Но если мы сумеем как-то отклонить его порыв и направить его в более тихое русло, то, я надеюсь, справиться будет можно. Надо попытаться это сделать»⁹⁴. Заведомо отказавшись от инициативы, Временное правительство отдалось во власть стихии, которой поначалу даже рассчитывало управлять. В действительности это никому не удавалось. Прорвав сдерживавшие «плотины», бурный поток событий понёс за собой и правительство, которому приходилось приноравливаться к быстро менявшимся обстоятельствам революционного времени.

⁹³ Из дневника А.Н. Куропаткина // Красный архив. Т. 20. С. 65–66.

⁹⁴ Татищев Б. «Крушение» 1916–1917 гг. // Возрождение. 1949. № 4. С. 131.

Номенклатурная революция: региональные руководители в СССР в 1936–1939 гг.

Олег Хлевнюк

Nomenklatura Revolution. Regional party leaders in the USSR, 1936–1939
*Oleg Khlevniuk (National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia)*

Во второй половине 1930-х гг. в СССР была проведена масштабная чистка номенклатурных руководителей, которую можно назвать кадровой революцией. На смену действовавшему поколению партийно-государственных функционеров в кратчайшие сроки пришло новое, что явилось залогом окончательного утверждения диктатуры Сталина. Более того, эти фундаментальные изменения оказали долгосрочное воздействие на развитие страны, поскольку многие из предвоенных выдвиженцев оставались у руля государства вплоть до 1980-х гг. Их опыт и мировоззрение, сформировавшиеся на начальном этапе головокружительных карьер, стали важным фактором советского политического процесса.

© 2016 г. О.В. Хлевнюк

Статья подготовлена в результате проведения исследования за счёт субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной Национальному исследовательскому университету «Высшая школа экономики».

Массовая ротация кадров, проведенная с помощью репрессий, затронула все слои руководящих работников как в центре, так и на местах. Эти события, ставшие трагедией для одних и открытием новых горизонтов для других, имели свою специфику в различных партийно-государственных структурах. В данной статье рассматривается чистка на уровне первых секретарей обкомов, крайкомов партии и ЦК компартий союзных республик, приведшая к уничтожению прежних сетей региональных элит и отражавшая существенные черты феномена кадровой революции в целом.

Репрессии 1930-х гг. традиционно рассматриваются историками как необходимое условие утверждения сталинского единовластия путём уничтожения старой партийной «гвардии». Такой точки зрения придерживались как западные, так и советские авторы. Исследователи, критически настроенные к советской системе, считали эволюцию режима от послереволюционной диктатуры партии к единоличной диктатуре Сталина естественной, а сталинский террор — неизбежным продолжением террора, развязанного большевиками с 1917 г.¹ Другие же авторы видели в репрессиях 1930-х гг. свидетельство разрыва с революционными традициями².

Концепция перерождения «правильного» ленинского большевизма в сталинизм имплицитно предполагала, что старая гвардия была реальным, причём активно действующим препятствием на пути утверждения единоличной диктатуры. Некоторые материалы для обоснования подобной точки зрения были обнародованы в период хрущёвской «оттепели». Продвигая тезис о сопротивлении партии сталинскому произволу, советская пропаганда ссылалась на ряд фактов, впрочем, не подтверждённых документами. В известном докладе на XX съезде партии Н.С. Хрущёв утверждал, что сталинским репрессиям противодействовал один из самых влиятельных региональных руководителей П.П. Постышев³. Широкую известность приобрёл апокриф о попытках группы старых большевиков заменить Сталина Кировым на посту генерального секретаря на XVII съезде партии в 1934 г. С этим связывалось убийство С.М. Кирова, как лидера, потенциально противостоящего Сталину⁴.

Новый импульс предположениям о значительной политической силе партийных секретарей придали работы западных «ревизионистов», занимавшихся проблемами террора. Они утверждали, что центр слабо контролировал региональных руководителей, обладавших значительными возможностями для про-

¹ Этот подход был сформулирован в исследованиях, развивавших «тоталитарную теорию» (см., например: *Brzezinski Z. The Permanent purge: Politics of Soviet Totalitarianism. Cambridge, 1956*). Преемственность большевистского и сталинского насилия являлась исходной точкой наиболее известных работ о терроре: *Conquest R. The Great Terror: A Reassessment. Oxford, 1990*; *Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования* (первая публикация на Западе в 1973–1975 гг., в СССР — в 1989–1990 гг.).

² См., например: *Stalinism: Essays in Historical Interpretation / Ed. by R. Tucker. N.Y., 1977*. (Новое дополненное издание этой книги вышло в 1999 г.); *Medvedev R. Let History Judge: The Origin and Consequences of Stalinism. N.Y., 1972* (русский перевод: *Медведев Р. О Сталине и сталинизме. М., 1990*).

³ Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов / Сост. В.П. Наумов и др. М., 1991. С. 34.

⁴ *Медведев Р. Указ. соч. С. 295–297.*

движения своих политических интересов⁵. Несмотря на маргинализацию этой линии «ревизионизма» под напором открывшихся архивных источников, она сохраняет некоторые позиции⁶. Феномен кадровой чистки 1930-х гг. представители этого направления игнорируют, поскольку он опровергает их основной тезис об успешном давлении региональных руководителей на Сталина. Действительно, лёгкость и быстрота, с которой было уничтожено старое поколение секретарей, свидетельствовали о слабости номенклатурного сообщества и его неспособности серьёзно влиять на ход политических событий.

В последние 20 лет в связи с открытием архивов наши представления о характере, причинах и факторах резкого усиления террора во второй половине 1930-х гг. существенно углубились. Исследования показали, что «большой террор» (ставшее нарицательным выражение Р. Конквеста), казавшийся ранее единым потоком, на самом деле являлся серией взаимосвязанных акций, проводившихся в 1937–1938 гг. Ядро террора составляли так называемые массовые операции НКВД против «антисоветских элементов» и «национальных контрреволюционных контингентов». Главными целями массовых операций были более полутора миллионов рядовых граждан страны, обвинённых в потенциальной враждебности к советской власти⁷. Отдельной частью всплеска террора в 1937–1938 гг. была также номенклатурная чистка, поглотившая гораздо меньшее количество жертв – несколько десятков тысяч человек⁸. Возможно, в силу явной несопоставимости масштабов этих двух явлений, в историографии наблюдается явный перекос. Если массовые операции против рядовых граждан исследуются чрезвычайно активно, то репрессии против руководящих работников (в качестве особого феномена, а не отдельных примеров) находятся на периферии внимания историков. Комплексное изучение номенклатурной чистки, преодоление локальной раздробленности историографии проблемы остаётся актуальной задачей.

Целью данной статьи является частичное восполнение отмеченного пробела. В ней рассматриваются следующие вопросы: причины и мотивы массовой чистки партийных секретарей и кадровой революции 1930-х гг. в целом; этапы и механизмы репрессий против руководителей регионов; итоги замены старого поколения секретарей новым; сравнение этих двух групп советской номенклатуры. Изучение таких проблем является важной предпосылкой для понимания

⁵ Getty J.A. *Origins of the Great Purges. The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938*. Cambridge, 1985; Rittersporn G.T. *Stalinist Simplifications and Soviet Complications. Social Tensions and Political Conflicts in the USSR, 1933–1953*. Philadelphia, 1991; The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939 / Ed. by J.A. Getty, O.V. Naumov. New Haven, 1999.

⁶ Новые статьи А. Гетти, отстаивающие его прежние позиции, см. в кн.: *The Anatomy of Terror: Political Violence Under Stalin* / Ed. by J. Harris. Oxford, 2013. В России предположения Гетти также получили поддержку (см.: Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2003). Критику этого направления см.: Павлова И.В. 1937: выборы как мифификация, террор как реальность // *Вопросы истории*. 2003. № 10. С. 19–37; Чернявский Г.И. Новые фальсификации «большого террора» // *Вопросы истории*. 2009. № 12. С. 155–164; Khlevniuk O.V. Top Down vs. Bottom-up: Regarding the Potential of Contemporary «Revisionism» // *Cahiers du Monde Russe*. 2015. Vol. 56. № 4. P. 837–857.

⁷ Литература о массовых операциях 1937–1938 гг. огромна. Из обобщающих работ см.: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим»: Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003; Ширер Д.Р. Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе. 1924–1953. М., 2014.

⁸ Хаустов В.Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии. 1936–1938 гг. М., 2009; Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе, 1937–1938 / Сост. В.Н. Хаустов. М., 2011.

феномена кадровой революции, в том числе её роли и места в политическом развитии СССР.

Политическая система 1930-х гг. и цели кадровой революции

Сформировавшийся ко второй половине 1930-х гг. корпус региональных руководителей в значительной мере отражал характерные черты партийно-государственной номенклатуры в СССР в целом. Как показывает таблица 1, по состоянию на февраль 1937 г. (к тому времени чистка мало затронула секретарский корпус) из 166 первых и вторых секретарей обкомов ВКП(б) 38.6% вступили в партию до 1917 г. и во время революции, а 41.6% – в годы Гражданской войны. Таким образом, основная масса секретарей принадлежала к кругу старой партийной гвардии. Лишь незначительное их количество вступило в партию в годы борьбы с оппозициями, в начальный период утверждения Сталина у власти. В целом это поколение региональных руководителей поддержало слом нэпа, активно участвовало в проведении коллективизации, форсированной индустриализации и репрессий. Однако их лишь отчасти можно было назвать сталинскими выдвиженцами: свои позиции секретари, как и другие функционеры, занимали по праву участия в борьбе за власть в годы подполья и Гражданской войны, следовательно, принадлежали к той части революционного поколения большевиков, которая пошла за Сталиным⁹.

Таблица 1

Распределение секретарей региональных комитетов по партийному стажу, %

Дата вступления в партию	Февраль 1937 г.	Март 1939 г.
До 1917 г.*	38.6	3.0
1918–1923 гг.	48.8	16.5
В том числе 1918–1920 гг.	41.6	Нет сведений
1924–1928	9.0**	54.7
1929–1931	3.6***	21.0
С 1932 г.	Не было	4.8

Составлено по: РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 278, л. 19–20; ф. 477, оп. 1, д. 41, л. 72 об. В 1937 г. учитывались 166 первых и вторых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК национальных компартий, в 1939 г. – 333. Столь значительный рост объяснялся прежде всего созданием новых областей за счёт разукрупнения прежних административных единиц.

* Так эта категория называлась в документах. Очевидно, в неё включались большевики, пришедшие в партию в 1917 г.

** В 1937 г. учитывалась категория 1924–1927 гг.

*** В 1937 г. учитывалась категория 1928–1931 гг.

За долгие годы революционной деятельности и борьбы за власть старые члены партии завязывали между собой достаточно прочные контакты. В их среде были широко распространены патрон-клиентские отноше-

⁹ Модсли Э., Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачёва. Центральный комитет и его члены. 1917–1991 гг. М., 2011. С. 86–87, 91–92.

ния¹⁰. Первые секретари региональных комитетов являлись, с одной стороны, формальными и неформальными лидерами в местных руководящих сетях, а с другой – сами входили в неформальные сообщества, группировавшиеся вокруг отдельных высших лидеров, членов Политбюро. Такая система облегчала лоббирование региональных интересов и усиливала административные возможности секретарей¹¹.

Важной особенностью первой половины 1930-х гг. была относительная стабильность корпуса номенклатурных руководителей, включая региональных. Например, многие первые секретари региональных комитетов занимали посты в течение продолжительного времени. С 1929 г. до снятия в 1937 г. Западным обкомом руководил И.П. Румянцев (в партии с 1905 г.), Уральским (Свердловским) обкомом – И.Д. Кабаков (в партии с 1914 г.), Сибирским (Западно-Сибирским) краем – Р.И. Эйхе (в партии с 1905 г.), Бурят-Монгольским обкомом – М.Н. Ербанов (в партии с 1917 г.). Первый секретарь Чувашского обкома, член партии с 1917 г. С.П. Петров находился на должности в 1926–1937 гг. С 1930 по 1937 г. Северо-Кавказский (Азово-Черноморский) край возглавлял Б.П. Шеболдаев (член партии с 1914 г.). К началу чистки в 1937 г. был достаточно стабильным корпус секретарей республиканских компартий. Ряд республиканских секретарей входил в число «долгожителей». С 1928 г. занимал свой пост первый секретарь ЦК компартии Украины С.В. Косиор, с 1929 г. – А.И. Икрамов (Узбекистан), с 1930 г. – Я.А. Попок (Турменистан), с 1931 г. – Л.П. Берия (Грузия)¹².

Важно также подчеркнуть, что перемещения руководителей регионов в первой половине 1930-х гг. осуществлялись, как правило, не репрессивными методами, а путём передвижек внутри номенклатурной системы кадров. Так, снятый с должности первого секретаря Казахского крайкома партии в 1933 г., один из виновников страшного голода в этой республике Ф.И. Голощёкин был назначен на высокий пост в СНК СССР. Первый секретарь Сталинградского крайкома В.В. Птуха, которым были недовольны в Москве, был перемещён на менее престижную, но всё же высокую должность второго секретаря Дальневосточного крайкома ВКП(б). Первого секретаря ЦК компартии Таджикистана Г.И. Бройдо в 1934 г. перевели на должность заместителя наркома просвещения РСФСР и т.д.

Таким образом, региональные руководящие сети в первой половине 1930-х гг. в значительной степени состояли из тех, кто вступил в партию до революции, в годы революции или Гражданской войны. Это был относительно стабильный контингент, защищённый номенклатурными привилегиями. Помимо подчинения формальной иерархии, он опирался на развитые неформальные связи,

¹⁰ Истер Дж.М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010; Сушков А. Крах «империи товарища Кабакова»: свердловское руководство в политических водоворотах 1937 года // Веси. 2013. № 6. С. 46–84; Люшин Е.Л. Красный Олимп. Советско-партийное руководство Дальневосточного края в процессе социально-экономического развития региона. 1926–1938. Хабаровск, 2011; и др.

¹¹ Central-Local Relations in the Stalinist State. 1928–1941 / Ed. by E.A. Rees. Basingstoke, 2002; Хлевнюк О.В. Взаимоотношения центра и регионов в 30-е годы: «лоббирование» и «клиентелизм» в сталинской системе управления // Вестник МГУ. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2004. № 3. С. 79–98

¹² Здесь и далее биографические данные о секретарях приводятся по электронной базе «Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991» (URL: <http://knowbysight.info/10000.asp>. Дата обращения: 25.04.2016).

патрон-клиентские отношения и круговую поруку («семейственность»). Наличие подобных признаков, характерных не только для региональных руководителей, но и для партийно-государственной номенклатуры в целом, очевидно. Вопрос, однако, заключается в том, как трактовать подобные факты.

Наиболее радикальные выводы предлагают уже упомянутые «ревизионисты». Они пишут о конфликте между центром и регионами как активном противостоянии двух равнозначных сил, о слабости Сталина, вынужденного менять свои решения по кардинальным вопросам под давлением региональных секретарей. Приверженцы таких версий не исследуют феномен кадровой чистки, однако фактически подводят читателя к очевидному выводу: репрессии против номенклатуры были логичным результатом борьбы Сталина с чиновниками, которые в противном случае могли одержать верх и разрушить саму централизованную систему власти.

Вместе с тем обращение к документам разрушает подобные гипотетические схемы. Приверженцами теории слабого Сталина до сих пор не представлено ни одного реального факта, прямо или косвенно подтверждающего их правоту. Не понятно, как неформальные связи и круговая порука конвертировались в политическое влияние секретарей. Патрон-клиентские отношения на региональном уровне в некоторой мере препятствовали проверкам центра и смягчали возможные санкции против местных чиновников, в связи с чем развитые горизонтальные связи логично рассматривать как следствие скорее агрессивности центра, чем его слабости. Реальный политический ресурс могли бы иметь вертикальные «связки» между региональными секретарями и членами высшего советского руководства. Такие устойчивые связи действительно потенциально ограничивали единоличную диктатуру в пользу коллективного руководства. Однако и в этом случае партийные секретари не выступали самостоятельной силой, а лишь следовали за своими патронами из Политбюро.

Для вынесения обоснованных суждений о балансе сил в системе центр–регионы первой половины 1930-х гг. необходимы не общие указания на наличие развитого клиентелизма и злоупотреблений властью местными чиновниками (что очевидно), а изучение практик реализации властных полномочий, контроля и принятия ключевых решений. Имеющиеся в нашем распоряжении факты опровергают теорию слабого центра и сильных регионов.

Необходимо ещё раз подчеркнуть, что длительные поиски в архивах не выявили реальных принципиальных решений, навязанных Сталину партийными секретарями. Точно так же нет свидетельств о блокировании ключевых инициатив центра на региональном уровне. Несмотря на борьбу ведомств и регионов за распределение ресурсов, последнее слово в определении директивных параметров оставалось за высшим руководством¹³. Общие установки сталинского курса не подвергались сомнению и принимались к исполнению.

Несмотря на наличие патрон-клиентских отношений, Сталин как лидер Политбюро имел все возможности для решения по своему усмотрению принципиальных кадровых вопросов. Показательным примером служит выдвижение на руководящие должности в Закавказской Федерации в начале 1930-х гг. Л.П. Берии – сталинского протеже, находившегося в конфликтных отношениях со спаянной группой заслуженных закавказских большевиков, опиравшихся к

¹³ Грегори П., Харрисон М. Распределение в условиях диктатуры: исследование на базе архивного материала сталинской эпохи // Экономическая история. Ежегодник. 2013. М., 2014. С. 251–330.

тому же на поддержку в Москве, прежде всего со стороны Г.К. Орджоникидзе. Несмотря на определённое противодействие, Сталин в 1931 г. настоял на введении Берии в руководящие структуры Закавказья¹⁴.

В последующие два года, в период острого кризиса и голода, Сталин также продемонстрировал свои возможности. Именно по его инициативе произошли кадровые чистки в ряде важных регионов страны, руководители которых, по мнению вождя, не справлялись с ситуацией. Наиболее важным было изменение конфигурации власти на Украине, куда Сталин направил в качестве своего эmissара П.П. Постышева. Как показывает переписка Сталина и Кагановича, решения об украинском руководстве принимал лично Сталин, отбирая варианты, казавшиеся ему оптимальными¹⁵. Завершение кризиса и вступление страны с 1934 г. в этап относительной стабилизации ещё более укрепили влияние Сталина.

Важно подчеркнуть, что в руках Москвы тогда находились все рычаги многоканального, дублирующего контроля. Многочисленные партийно-государственные структуры (госбезопасность, прокуратура, партийный и советский контроль, центральные хозяйственные ведомства), конкурируя друг с другом, снабжали центр разнообразной информацией, стремясь продемонстрировать свою эффективность и бдительность¹⁶. Само состояние региональных руководящих сетей не было столь прочным и монолитным, как иногда кажется на основании материалов о разоблачении «семейственности» и клиентелизма. Обычным явлением были многочисленные конфликты («склоки») между группами чиновников, а также руководителями регионов и представителями центральных ведомств на местах¹⁷. Эти внутренние противоречия усиливали действенность контроля и интервенций Москвы в регионах.

Таким образом, известные сегодня факты позволяют охарактеризовать систему власти, сложившуюся в первой половине 1930-х гг., как ограниченное коллективное руководство или ограниченную единоличную диктатуру. Роль лидера была ведущей, а его власть – очень сильной. Вместе с тем вождя окружали достаточно влиятельные соратники. Принятие принципиальных государственных решений в большой мере зависело от него, но осуществлялось во многих случаях коллективно. Значительную роль в политическом и административном процессе играло согласование интересов различных ведомств и группировок. Вокруг относительно авторитетных членов Политбюро формировались сети клиентов из чиновников среднего уровня (руководители регионов, ведомств),

¹⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 114, д. 265, л. 92–137; оп. 3, д. 857, л. 9.

¹⁵ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 2001. С. 210, 273–275.

¹⁶ Многие информационные материалы ОГПУ–НКВД опубликованы: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939 / Под ред. В.П. Данилова и др. Т. 1–4. М., 1998–2013; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) / Под ред. Г.Н. Севастьянова и др. Т. 1–9. М., 2001–2013. О деятельности Комиссии партийного контроля см.: *Никонорова Т.Н.* Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934–1952 гг.) // *Российская история*. 2015. № 6. С. 26–40.

¹⁷ См., например, информацию о конфликтах между первым и вторым секретарями Свердловского обкома (РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 64, л. 66), в руководстве Харьковской области (там же, ф. 671, оп. 1, д. 91, л. 2–4), Таджикистана (там же, ф. 558, оп. 11, д. 49, л. 37), Белоруссии (там же, ф. 17, оп. 3, д. 949, л. 22), о группировках чиновников в Дальневосточном крае (*Люшилин Е.Л.* Красный Олимп... С. 110–124) и т.д.

составлявших костяк ЦК партии¹⁸, достаточно регулярно заседали формальные коллективные органы власти¹⁹. Всё это до некоторой степени сдерживало диктатора и служило основой относительной политической стабильности.

Основанная на таких принципах система власти обеспечила как форсированную коллективизацию и индустриальный скачок первой пятилетки, так и реализацию более сбалансированного курса 1934–1936 гг. Успешное экономическое развитие страны, особенно очевидное на фоне предшествующих голода и кризиса, свидетельствовало о том, что модель ограниченного коллективного руководства не исчерпала себя. Сильной её стороной являлась относительная кадровая устойчивость, необходимая для эффективности управления. Причины ликвидации этой системы были чисто политическими. В конечном счёте решения в данной сфере всецело определялись намерениями Сталина, пониманием пределов собственной диктатуры и готовностью воздерживаться от применения насилия. Однако с середины 1930-х гг. он нацелился на быстрое уничтожение старой номенклатуры с помощью репрессий.

Важным шагом на этом пути было внедрение в политическую практику идеи о перерождении бывших оппозиционеров в «террористов» и «шпионов». Наиболее полное воплощение она получила в закрытом письме ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока» от 29 июля 1936 г.²⁰, а также в больших открытых московских процессах, первый из которых был проведён в августе 1936 г. По существу, такой политический лозунг способствовал дискредитации всего слоя старых членов партии и ставил под удар значительную часть номенклатурных работников.

Окончательную программу кадровой революции Сталин сформулировал в известных выступлениях на пленуме ЦК партии в марте 1937 г. Обосновывая необходимость чистки и ротации кадров, Сталин обличал «настроения беспечности и самодовольства», «атмосферу парадных торжеств и взаимных приветствий», которая «размагничивает людей и толкает их на то, чтобы почить на лаврах»²¹. Отводя обвинения в разгроме квалифицированных кадров, Сталин говорил: «У нынешних вредителей нет никаких технических преимуществ по отношению к нашим людям. Наоборот, технически наши люди более подготовлены»²². В связи с этим Сталин выдвинул так и нереализованную программу ненасильственной ротации. Он предложил всем партийным руководителям подобрать себе заместителей и подготовить «не одну, а несколько смен»²³.

Достаточно откровенно Сталин сформулировал свои опасения по поводу нелояльности старых руководителей. Подвергнув критике подбор кадров по принципу «личного знакомства, личной преданности, приятельских отношений», он заявил: «Что значит таскать за собой целую группу приятелей? ... Это значит, что ты получил некоторую независимость от местных организаций и, если хотите, некоторую независимость от ЦК. У него своя группа, у меня своя

¹⁸ О представительстве в ЦК различных категорий чиновников в 1930-е гг. см.: Модсли Э., Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачёва... С. 75–83.

¹⁹ См.: Сталинское Политбюро в 30-е годы / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 1995. С. 183–246.

²⁰ Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. С. 196–210.

²¹ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. / Сост. Л.П. Кошелева, О.В. Наумов, Л.А. Роговая // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 9.

²² Там же. С. 8.

²³ Там же. С. 14–15.

группа, они мне лично преданны»²⁴. Необходимость борьбы с «врагами» и чистки кадров Сталин напрямую связывал с нараставшей угрозой войны: «Чтобы выиграть сражение во время войны, для этого может потребоваться несколько корпусов красноармейцев. А для того чтобы провалить этот выигрыш на фронте, для этого достаточно несколько человек шпионов где-нибудь в штабе армии или даже в штабе дивизии, могущих выкрасть оперативный план и передать его противнику»²⁵.

Несмотря на очевидную сдержанность, присущую публичным речам, выступления Сталина позволяют реконструировать его намерения. Прежде всего, очевидно, что он не доверял старому поколению функционеров. Что бы ни говорили эти люди с высоких трибун и как бы ни клялись в верности вождю, они хорошо помнили о недавней относительной внутрипартийной демократии, решающей роли не только Политбюро, но и пленумов ЦК. Гипотетически можно было представить себе ситуацию, когда в условиях кризиса (например, военных осложнений) встал бы вопрос о консолидации партии и возвращении к оправдавшей себя модели коллективного руководства периода Гражданской войны. Вместе с тем чем больше власти сосредоточивал Сталин в своих руках, тем выше был риск того, что в случае серьёзных осложнений именно на него будет возложена ответственность за провалы. Предотвращение самой вероятности таких ситуаций было главным мотивом действий Сталина, который к тому же в силу личных качеств подозревал худшее. Ликвидация носителей таких угроз и приведение к власти абсолютно преданных функционеров, не отягощенных старым опытом, казалась Сталину самой надёжной гарантией от возможных осложнений²⁶.

Более сложными для понимания являются иные расчёты Сталина. Например, в какой мере он полагал, что одномоментная замена старых руководителей более молодыми придаст дополнительную динамику системе. Возможно, рассуждения Сталина о лучшей технической подготовленности новых кадров и застой старых были лишь прикрытием истинных политических причин чистки. А может быть, он действительно рассчитывал на положительный эффект. Вместе с тем надо иметь в виду, что обвинения руководителей в злоупотреблениях и некомпетентности (бюрократизме, «головокружении от успехов» и т.п.) были постоянным мотивом официальной пропаганды, хотя сами по себе не объясняют курс на массовое уничтожение кадров.

Этапы чистки секретарей

Кадровая революция и чистка секретарей как её составная часть длились несколько лет и прошли через ряд этапов. Разворачиваясь постепенно, они демонстрировали характерные черты сталинской политики и служили индикатором реальной силы номенклатуры в её взаимоотношениях с высшей властью. Важнейшую роль в развёртывании чистки сыграли репрессии против бывших оппозиционеров. Постепенно усиливаясь после убийства Кирова, во второй половине 1936 г. они докатились до тех, кто неоднократно присягал на верность

²⁴ Там же. 1995. № 11–12. С. 13.

²⁵ Там же. 1995. № 3. С. 13–14.

²⁶ Это положение неоднократно высказывалось в литературе и у нас пока нет оснований от него отказываться (см., например: *Такер Р.* Сталин у власти. История и личность. 1928–1941. М., 1997. С. 482–485).

Сталину и занимал достаточно высокие посты. Под удар попали работники центральных ведомств, в том числе ряд заместителей наркомов, а также руководящие работники региональных структур. О целенаправленном характере этой чистки свидетельствовало составление в аппарате ЦК списков номенклатурных работников, имевших оппозиционное прошлое или иные «тёмные пятна» в биографии²⁷. Именно по этим спискам проводились первые репрессии.

Бывшие оппозиционеры являлись частью номенклатурной системы. Многие из них в силу должностных обязанностей входили в ближайшее окружение первых руководителей наркоматов и партийных комитетов. По этой причине аресты оппозиционеров были удобным плацдармом для подготовки широкой кадровой чистки. Такое дозирование процесса, последовательное переключение репрессий с одной группы на другую являлось одним из важнейших методов сталинской политики. Удар не наносился по всем целям одновременно, чтобы предотвратить даже слабую возможность объединения номенклатуры перед лицом фатальной угрозы. Культивирование надежды на спасение в одиночку было эффективным способом политического манипулирования. Хотя определяющую роль, в конечном счёте, играл фактор силы, прежде всего, исключительное право Сталина распоряжаться органами НКВД.

Действительно, имеющиеся в нашем распоряжении документы показывают, что старое номенклатурное сообщество в целом оказалось слабым и беззащитным даже в условиях нараставшей угрозы уничтожения. Вполне осознавая возросшие политические риски, советские функционеры были готовы лишь на скрытые осторожные маневры. Однако и такое слабое противодействие было сломлено на следующем этапе номенклатурной чистки. В конце 1936 – начале 1937 г. под её удар попали как бывшие оппозиционеры, так и некоторые партийные секретари, объявленные пока ещё не «врагами», но политически незрелыми невольными пособниками «врагов». Сигналами развёртывания такой атаки и грозным предупреждением для недовольных были несколько громких дел. В августе 1936 г. «Правда» опубликовала серию статей с обвинениями руководства Днепропетровского обкома в противодействии исключениям бывших оппозиционеров из партии²⁸. Следуя указаниям центра, украинское Политбюро санкционировало снятие ряда руководителей области и усиление чистки. Первый секретарь обкома М.М. Хатаевич по распоряжению Сталина пока сохранил свой пост²⁹.

Сигнал, поданный днепропетровским делом, был многократно усилен в последующие месяцы. Против ряда секретарей в различных регионах страны выдвигались обвинения в «политической близорукости» и защите «врагов» из аппарата. В январе 1937 г. на этом основании лишились постов первый секретарь Азово-Черноморского крайкома Б.П. Шеболдаев и руководитель Киевского обкома, второй секретарь ЦК компартии Украины П.П. Постышев. Оба были известными деятелями советской номенклатуры, а потому постигшая их опала прозвучала серьёзным предупреждением для других руководителей, способствовала усилению их активности в реализации директив центра.

Несмотря на политические обвинения, на начальном этапе чистки секретарей дело не доходило до арестов, а ограничивалось дискредитацией и пони-

²⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 71, л. 37.

²⁸ Правда. 1936. 6 августа. С. 3; 19 августа. С. 3.

²⁹ РГАСПИ, ф. 671, оп. 1, д. 91, л. 47–51, 74; Сталин и Каганович. Переписка... С. 654–656. Хатаевич был арестован летом 1937 г. и вскоре расстрелян.

Таблица 2

**Количество первых секретарей обкомов и крайкомов партии в РСФСР и Украинской ССР,
снятых с должности в 1936–1938 гг.**

	1936 г.	1937 г.												1938 г.											
	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Всего снято с должности	3	7	0	3	2	5	5	11	5	9	10	8	0	2	6	2	7	9*	7	1	0	2	3	3	3
В связи с арестом	0	1	0	2	1	3	4	9	5	8	9	7	0	0	4	2	6	5	5	1	0	1	2	3	1
В связи с перемещением секретарём в другой регион или на другую должность	3	6	0	1	1	2	1	2	0	1	1	1	0	2	2	0	1	2	2	0	0	1	1	0	2

Составлено по: РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 980–1007 (решения Политбюро ЦК ВКП(б) о смещении и назначениях секретарей).

* Несовпадение общего итога с промежуточными показателями вызвано отсутствием данных о судьбе нескольких секретарей.

жениями в должности. В декабре 1936 – январе 1937 гг. были перемещены со своих постов 10 из 59 первых секретарей ЦК нацкомпартий и партийных комитетов краёв и областей, входивших в состав РСФСР и Украинской ССР. Тогда истинные цели чистки ещё не определились в полной мере. Девять из десяти перемещённых секретарей, включая Шеболдаева и Постышева, были отправлены на менее престижные секретарские должности в другие регионы страны. Со временем все они были уничтожены. Однако в начале 1937 г. такой исход не был очевиден. Только один из секретарей – руководитель обкома Республики Немцев Поволжья А.А. Вельш был просто снят с работы и затем расстрелян.

В феврале 1937 г., как видно из таблицы 2, в перемещениях первых секретарей наблюдалось определённое «затишье перед бурей». Сигнал к эскалации чистки дал уже упомянутый пленум ЦК ВКП(б) в конце февраля – начале марта 1937 г. Количество решений о снятии секретарей увеличивалось из месяца в месяц, достигнув пика в июле. На этом этапе, в отличие от предыдущего, смещения сопровождалось арестами. Во второй половине 1937 г. репрессии обрушились на две категории секретарей: первую составляли те, кто ещё сохранял старые посты, вторую – передвинутые на первом этапе чистки в другие регионы.

Новый импульс чистки руководителей краевых и областных парторганизаций приобрели с февраля 1938 г., совпав со вторым этапом массовых операций НКВД³⁰. В тот период были добиты сохранившиеся старые секретари. Одновременно началась чистка «второго эшелона» – секретарей из революционного поколения, занявших посты в предыдущие месяцы.

Прекращение массовых операций в ноябре 1938 г. и аресты ежовских кадров в НКВД соответствовали очередному этапу номенклатурной революции. Если раньше региональных руководителей обвиняли в отсутствии бдительности и покровительстве «врагам», то теперь – в «избиении честных работников путём массовых огульных репрессий» и покровительстве «врагам народа, пробравшимся в НКВД». Эта чистка исполнителей касалась прежде всего секретарей, попавших на партийную работу из органов НКВД (в частности, руководителей Свердловского, Одесского и Удмуртского обкомов, Краснодарского и Орджоникидзевского крайкомов), и была менее кровавой. Лишь некоторые секретари подвергались репрессиям, а большинство перемещалось на более низкие должности.

В целом в подавляющем большинстве республик, областей и краёв в конце 1936 – начале 1939 г. сменилось в среднем по 2–3 секретаря. В областях-«рекордсменах» (Дальневосточный край, Саратовская, Ярославская, Одесская области)³¹ – по 4. Большинство перемещений сопровождалось арестами и последующими расстрелами.

Два поколения сталинских секретарей

В результате репрессий в составе секретарского корпуса, как и номенклатуры в целом, произошли революционные перемены. Подавляющее большинство старых секретарей было уничтожено, что вело к масштабным чисткам в региональных аппаратах власти. Правда, как и в любой другой революции, в

³⁰ См. подробнее: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим»... С. 46–50.

³¹ См. источники к таблице 2.

данном случае кардинальные перемены сочетались с остатками старого порядка. Некоторые позиции сохранили прежние секретари. Азербайджаном многие годы управлял М.Д. Багиров; Н.С. Хрущёв в 1938 г. был перемещён с поста первого секретаря Московской партийной организации на должность первого секретаря ЦК компартии Украины; крупнейшую Ленинградскую партийную организацию продолжал возглавлять А.А. Жданов.

Несколько вновь назначенных секретарей принадлежали к старой партийной гвардии. Так, Краснодарский крайком ВКП(б) в 1939 г. возглавил П.И. Селезнёв, член партии с 1915 г., работавший в Московском комитете и в ЦК. Уникальной среди секретарей второго ряда была судьба руководителя образованной в 1937 г. Рязанской области С.Н. Тарасова. По основным критериям он входил в состав старых кадров: родился в 1893 г., вступил в партию в 1915 г., в Гражданскую войну служил в Красной армии, в 1930-е гг. перешёл на профсоюзную, затем на партийную работу в Москву. Тарасов пережил чистки 1937–1939 гг. и продолжал работать в Рязани, а в 1945 г. был назначен первым секретарём нового Измайловского обкома на Украине. Секретарь ЦК компартии Таджикистана Д.З. Протопопов и секретарь обкома Коми АССР А.Г. Тараненко вступили в партию в 1917 г. Заметная группа новых секретарей влилась в партийные ряды в годы Гражданской войны. Однако, как видно из таблицы 1, более половины выдвиженцев, занимавших секретарские должности в начале 1939 г., пришли в партию в период нэпа, на волне борьбы с оппозициями и утверждения у власти фракции Сталина. Четверть секретарей имели партийный стаж с 1929 г.

Соответствующими были изменения в возрастном составе региональных секретарей (см. табл. 3). Если в 1937 г. большинство составляли секретари в возрасте от 36 до 40 лет, а более трети переступили 40-летний рубеж, то в 1939 г. эти показатели кардинально изменились. В результате кадровой революции более 60% секретарей были молодыми людьми в возрасте до 35 лет.

Таблица 3

Распределение секретарей региональных комитетов по возрасту, %

Возраст	Февраль 1937 г.	Март 1939 г.
26–30 лет	2.4	8.4
31–35 лет	19.3	53.2
36–40 лет	44	29.4
Более 41 года	34.3	9

Составлено по: см. таблицу 1.

С точки зрения политических установок преобладание в секретарском корпусе молодых кадров означало существенное усиление аппаратных опор единой диктатуры. Выдвиженцы 1939 г. фактически получили должности из рук вождя и были ему всецело преданы, о чём свидетельствовали не только слова, произносимые в период правления Сталина, но и настроения выдвиженцев террора, проявившиеся позднее, когда они сами находились у власти. Многие из них были недовольны «десталинизацией» Н.С. Хрущёва, хотя не осмеливались выступать против неё открыто. Зато свои подлинные настроения эти руководители выразили в политике «ресталинизации» при Л.И. Брежнев.

Гораздо труднее сделать определённые заключения о качестве нового корпуса секретарей (и номенклатуры в целом). Судя по формальным признакам, он был более образованным. Таблица 4 показывает, что по сравнению с 1937 г. в 1939 г. резко увеличилось количество секретарей с высшим и средним образованием, более чем вдвое сократилось число секретарей с начальным. Однако за этими внешне весьма заметными показателями скрывалась менее привлекательная реальность. Например, значительная часть секретарей имела партийное, политическое образование.

Таблица 4

Распределение секретарей региональных комитетов по образованию, %

Образование	Февраль 1937 г.	Март 1939 г.
Высшее*	15.7	28.6
В том числе окончили высшие учебные заведения:		
в 1934–1936 гг.	Нет сведений	12.6
в 1937–1938 гг.	Нет сведений	6
Незаконченное высшее и среднее**	13.9	30.3
Незаконченное среднее***	Нет сведений	9.6
Начальное****	70.4	31.5

Составлено по: см. таблицу 1.

* Для 1937 г. учитывалась категория: учились в вузах, втузах и академиях.

** В 1937 г. учитывалась категория: учились в средних учебных заведениях.

*** В 1937 г. эта категория не учитывалась.

**** В 1937 г. учитывалась категория: низшее образование.

Не существует показателей, позволяющих сопоставить уровень административной активности и эффективности двух поколений секретарей. Обращает на себя внимание, что большое количество секретарей были слишком молоды. Многие попадали на руководящие должности, вручавшие им огромную власть над миллионами людей, буквально с институтской скамьи. Важно упомянуть сложности адаптации к новым обязанностям, связанные с разгромом управленческих структур и утратой кадровой преемственности. О том, что происходило в то время в региональном аппарате, дают представления некоторые признания участников событий. Например, А.С. Щербаков, направленный в июне 1937 г. вместо арестованного предшественника первым секретарем в Восточно-Сибирский край, посылал в центр своим покровителям достаточно откровенные рапорты. 18 июня он писал А.А. Жданову: «Арестованы все руководители областных советских отделов, заведомо обкома и их замы (за исключением пока двух), а также инструктора, ряд секретарей РК, руководители хозяйственных организаций, директора предприятий и т.д. Таким образом, нет работников ни в партийном, ни в советском аппарате»³². В пространным письме Молотову от 30 июня 1937 г. Щербаков сообщал: «Аресты бывшего партийного и советского руководства, а также многочисленные аресты других работников партийного, хозяйственного, советского аппарата явились для коммунистов полной неожиданностью. Много коммунистов и целые организации растерялись и деморализовались. Я застал первичные организации в той стадии, когда никто никого не слушал, широко распространилось

³² Советское руководство. Переписка. 1928–1941 / Сост. А.В. Квашонкин и др. М., 1999. С. 363.

настроение “кому же верить”... Оставшиеся руководители, чувствуя свою вину перед партией и коммунистами, испугались, выпустили руль руководства из рук, и их принялись избивать и за то, что они несут ответственность и за то, в чём не виноваты. Первичные организации выносили решения об исключении и аресте многих руководителей. Учреждения фактически перестали работать. На производстве дисциплина пала»³³.

В общем, даже если отбросить моральные аспекты проблемы, можно утверждать, что с чисто административной точки зрения метод массовых репрессий как способ решения кадровых проблем имел разрушительные последствия и ослаблял потенциал системы.

Для корректного понимания кадровой революции 1930-х гг., её значения и последствий необходимо рассматривать эти события в более длительной перспективе развития номенклатурного сословия. С конца 1930-х гг. до смерти Сталина наблюдалась стабилизация номенклатуры и, соответственно, её старение. На 1 июля 1952 г. 94% секретарей обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик переступили 36-летний рубеж (37% – 46-летний)³⁴. Таким образом, секретари 1952 г. были заметно старше уничтоженного поколения секретарей 1930-х, в котором категория 36 лет и более насчитывала 78% (см. табл. 3). Некогда молодые выдвиженцы террора, прочно войдя в номенклатурную обойму, старели вместе с системой. Никуда не исчезли пороки чиновников, которые подвергались обличению в период террора. В новом поколении номенклатуры постоянно воспроизводились патрон-клиентские отношения, круговая порука, злоупотребления властью, культы местных вождей³⁵.

Несмотря на очевидную схожесть кадровой ситуации до- и послевоенного периодов, Сталин больше не прибегал к массовым чисткам. Репрессии носили выборочный характер («ленинградское дело», «мингрельское дело» и т.п.). Основным методом борьбы с номенклатурным застоем являлась мягкая ротация кадров: перемещения с должности на должность, отправка на учёбу в Москву и т.п.³⁶ Положение номенклатуры заметно укрепилось. Таким образом, кадровая политика 1940-х – начала 1950-х гг. может рассматриваться как дополнительный аргумент в пользу версии о преимущественно политическом характере кадровой революции. Уничтожению в 1930-е гг. подвергались не просто постаревшие и злоупотреблявшие властью чиновники, но прежде всего – представители поколения революционного большевизма. Твёрдо следуя руслом сталинской политики, они всё же помнили об опыте относительного внутрипартийного плюрализма. Источником привилегий и претензий на неприкосновенность номенклатуры первой половины 1930-х гг. была революционная легитимность, завоёванная в борьбе за власть, источником не мень-

³³ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 149, л. 37–43.

³⁴ РГАНИ, ф. 5, оп. 29, д. 15, л. 63.

³⁵ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / Сост. В. Денисов и др. М., 2004. С. 156–161, 198–207, 283–318; Советская жизнь. 1945–1953 / Сост. Е.Ю. Зубкова. М., 2003. С. 578–581; *Heinzen J.* The Art of the Bribe: Corruption and Everyday Practice in the Late Stalinist USSR // *Slavic Review*. Vol. 66. № 3 (Fall 2007). P. 389–412; *Говоров И.В.* Разгул преступности в послевоенном Ленинграде и области // *Вопросы истории*. 2003. № 4. С. 139–143; *Сушков А.В.* Власть и коррупция: руководство Красноярского края и дело о хищениях продукции на красноярском заводе плодово-ягодных вин (1949 г.) // *Уральский исторический вестник*. 2011. № 3(32). С. 89–95; и др.

³⁶ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты... С. 385–405.

ших преимуществ выдвиженцев, на которых Сталин опирался до конца своей жизни, — воля вождя.

Кадровая революция второй половины 1930-х гг. и уничтожение подавляющего большинства руководителей регионов были целенаправленным и контролируемым процессом. Номенклатурные работники высокого уровня не могли быть сняты с должности или арестованы без санкции высшего руководства страны. Следовательно, причины таких акций можно объяснить лишь исходя из мотивов Сталина. Официальные обвинения партийных функционеров во «вредительстве», «шпионаже» и т.п. не могут приниматься за истинные. Пока нет оснований отказываться от традиционного для историографии тезиса, согласно которому Сталин видел в старом поколении большевиков угрозу своей власти. При этом важно подчеркнуть два положения. Во-первых, если подобная угроза и существовала, то была потенциальной, поскольку всерьёз не проявляла себя в годы, предшествовавшие террору. Во-вторых, она имела для Сталина значение постольку, поскольку он сам нацелился на существенное изменение политического статус-кво, на уничтожение остатков коллективного руководства и расширение собственной власти до максимально возможных пределов. Сложившаяся к середине 1930-х гг. система власти предусматривала некоторый баланс сил в Политбюро и ведомственно-региональных интересов на среднем уровне, объективно ограничивающий крайности диктатуры. Важной частью такого зыбкого равновесия являлась относительная личная безопасность (даже в случаях должностных перемещений) партийно-государственной номенклатуры, что было предпосылкой постепенного преодоления репрессивных крайностей системы в целом. Лучшим способом ликвидации этого баланса было уничтожение старых кадров и приведение к власти молодых.

В своём развитии кадровая революция, включая чистку региональных секретарей, прошла ряд этапов. Её пусковым механизмом были репрессии против бывших оппозиционеров, которые в большом количестве работали в партийно-государственном аппарате. Изменение идеологии отношения к оппозиционерам, превращение их из политических оппортунистов в «террористов» и «шпионов» компрометировало старый аппарат в целом и облегчало работу органов НКВД, получивших широкие полномочия. До определенного момента партийные руководители всех уровней — от членов Политбюро до региональных секретарей — пытались контролировать процесс разоблачения «врагов» и чисток партии, не допуская приближения репрессий слишком близко к своему непосредственному окружению. Ситуация стала меняться после того, как при поддержке, а точнее под нажимом, Сталина чекисты начали проводить аресты в непосредственном окружении ведомственных и партийных лидеров. В результате летом 1937 г. началась наиболее радикальная фаза чистки, приведшая к огромным жертвам, в том числе уничтожению значительной части старых региональных руководителей.

Несмотря на широкое распространение апологетических предположений об объективной пользе сплошной кадровой чистки, они вызывают многочисленные сомнения. Пресловутые злоупотребления и неэффективность старых руководителей, круговая порука и клиентелизм, характерные для первой половины 1930-х гг., никуда не исчезли после террора. Более чем двухлетние массовые репрессии и кадровая чехарда нанесли по системе управления сильнейший удар, особенно опасный в условиях приближавшейся войны. Изучение его последствий до сих пор составляет актуальную историографическую задачу. Сло-

вом, нет оснований полагать, что «естественная» выборочная ротация кадров, которая применялась до и после террора, была менее эффективной с административной точки зрения, чем репрессивная кадровая революция. Политические интересы Сталина в этом, как и во многих других случаях, нет оснований смешивать с интересами развития страны.

Дети войны: положение и стратегии выживания беспризорных и безнадзорных детей в СССР. 1942–1948 гг.

Елена Зубкова

Children of war: living conditions and survival strategies of orphans and homeless children in the USSR, 1942–1948

Elena Zubkova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Советская повседневность послевоенных лет имела свои отличительные приметы, связанные со следами минувшей войны. Рост детской беспризорности – явление из этого ряда. Дети войны – потерявшие родителей, оставшиеся без крыши над головой, бежавшие из детских домов или посланные семьёй на «заработки», – они колесили по стране, кто зачем: в поисках родственников, хлеба или просто вольной жизни. Кормились чем могли и как умели: что-то продавали, иногда воровали; часто, чтобы выжить, им оставалось только одно – просить милостыню. О положении беспризорных и безнадзорных детей в СССР во время и после Второй мировой войны, об организации социальной помощи и работе детских учреждений написано уже немало¹. В данной статье проблема детской беспризорности рассматривается в контексте социальных девиаций, прежде всего нищенства и бродяжничества. Как дети попадали в группу риска, выстраивали индивидуальные стратегии выживания, какие механизмы социальной защиты и формы устройства нуждавшихся детей использовало государство и насколько эффективно они функционировали – эти и другие вопросы находятся в фокусе данного исследования. За точку отсчёта взят «военный» 1942 г., когда в СССР был организован централизованный учёт

© 2016 г. Е.Ю. Зубкова

¹ Зезина М.Р. Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945–1955) // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 127–136; она же. Без семьи: сироты послевоенной поры // Родина. 2001. № 9. С. 82–87; Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П., Юрчук И.В. На грани выживания: детские дома Кубани в 1941–1945 годы // Советская социальная политика: сцены и действующие лица. 1940–1985 гг. М., 2008. С. 35–59; Славко А.А. История беспризорного и безнадзорного детства в России (конец 1920-х – начало 1950-х годов). Чебоксары, 2012; Fürst J. Between salvation and liquidation: Homeless and vagrant children and the reconstruction of Soviet society // The Slavonic and East European Review. 2008. Vol. 86. № 2. P. 232–258; *idem*. Stalin's Last Generation: Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism. Oxford; N.Y. 2010; Green R. «There Will Not Be Orphans Among Us»: Soviet Orphanages, Foster Care, and Adoption, 1941–1956. Diss. Chicago, 2006; Kibelka R. Wolfskinder. Grenzgänger an der Memel. Berlin, 2003; Kucherenko O. Without a Family: Public Order, Social Welfare and Street Children in the Wartime Soviet Union // Australian Journal of Politics & History. 2012. Vol. 58. Issue 3. P. 421–436; и др.